

С. М. ПЕРЕВАЛОВ

EX FONTE VIBERE. АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО АЛАНОВЕДЕНИЯ

По оценке безвременно ушедшего из жизни директора владикавказского Центра скифо-аланских исследований В. М. Гусалова, алановедение принадлежит к тем научным направлениям, которые «у нас в принципе даже и не сформировались» (1). «У нас» – это в Республике Северная Осетия – Алания. Эту характеристику можно отнести к российской историографии в целом. Несмотря на свой солидный стаж, наука об аланах все еще находится в затаившейся стадии становления. А для становящейся дисциплины особенно важно заложить прочные, способные выдержать проверку временем, основания будущих исследований. Речь в настоящей статье пойдет об источниках аланской истории и методах работы с ними.

Исторически, не считая реликтового употребления термина в последующие столетия, существование народа аланов засвидетельствовано для периода с I по XV вв. н. э. Письменные источники более чем на «двенадцати языках» фиксируют их присутствие в разное время на широких пространствах от Атлантики до Великой Китайской стены (2), основным же местом их обитания всегда признавался Северный Кавказ. Именно у кавказских народов аланское прошлое стало рассматриваться в качестве национального достояния, как начальный этап их собственной истории.

В аланской проблеме присутствуют две стороны: научная и общественная. Как бы мы ни ратовали за научность, реальностью является тот факт, что за последние одно-два десятилетия доминирующей стала вторая составляющая, немало поспособствовавшая тому, что история аланов превратилась в

Перевалов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН.

предмет политических спекуляций и мифотворчества (3). Аланистика сейчас «больше чем наука»: в рамках этой дисциплины остро поставлены многие «проклятые» вопросы российской действительности, в их числе – о взаимоотношениях профессионалов и дилетантов, истории и текущей политики. Историки, занимающиеся суперпопулярной в национальных республиках темой, находятся в ситуации выбора: отстаивать в довольно непростых условиях строгие научные принципы своей профессии или поддаться соблазну (а иногда – давлению) и писать столь востребованные ныне облегченные версии местных историй от крайне романтических до сверхутилитарных (в случае прямого политического заказа). «Бои за историю» в очередной раз превращаются в борьбу за само ее существование в качестве автономной области научной мысли.

Общественно-политический аспект изучения аланов связан с их этнической атрибуцией. Трудность здесь заключается в отсутствии прямой, засвидетельствованной документами или воплощенной в исторической памяти преемственности между аланами и ныне существующими этносами. К XVIII в., времени, когда европейские путешественники стали серьезно знакомиться с Кавказом, никто из северокавказских народов (в большинстве своем бесписьменных) не помнил о своих аланских корнях. В XIX в. российскими учеными – Г. Ю. Клапротом, В. Ф. Миллером – была выдвинута теория, до сего дня считающаяся наиболее обоснованной, согласно которой потомками аланов являются нынешние осетины, входящие в языковую группу восточно-иранских народов. Под конец XX в. число претендентов на аланское наследие заметно увеличилось: к аланам причисляют тюркоязычных карачаевцев и балкарцев (И. М. Мизиев, А. М. Байрамкулов), нахоязычных чеченцев и ингушей (А. Д. Вагапов, Н. Д. Кодзаев); осетинам при этом заботливо подыскивают других, не столь престижных предков вроде евреев-маздакидов, бежавших в VI в. из Ирана на Кавказ (Д. Баксан, Ю. Темирханов). В свою очередь у некоторых осетинских авторов гиперболизация аланского этапа их этногенеза доходит до провозглашения исконно «арийского» (через возведение корня *alan* к древнему **arya*-) характера осетинской культуры, пережившей века и тысячелетия и чудом сохранившейся в Богом, Судьбой или Космосом избранном народе (П. К. Козаев, А. Р. Чочиев, Х. Г. Дзанайты). Принятие в 1994 г. северо-осетинским парламентом второго названия республики – Алания – преследовало в первую очередь политические цели закрепления за собой так называемой «этнической» территории. Новая столица Ингушетии Магас названа в честь средневекового аланского города. Аланское имя используется в пропаганде «панкавказской» идеи: так, эмблемой журнала «Ас-Алан» (Нальчик, 1998) – чье название, по словам издателей,

воспроизводит «самоназвания предков балкаро-карачаевцев: асы и аланы» – стали 7 звезд, по числу национальных республик Северного Кавказа.

Где истоки пышно расцветшей сегодня и далеко не безобидной аланомании?

Современная «приватизация» аланской истории различными этносами со взаимным «перетягиванием одеяла» – одно из проявлений сформировавшегося еще в советское время статуса истории. Конечно, любая историография подвержена искажениям в силу пристрастности людей, ее творящих. Но тоталитарное государство – каким и было советское – посягает на саму идею правдивой, независимой от власти, наднациональной и беспартийной науки. История в СССР была максимально приближена к политике, и тем самым удалена от науки. Политика разъединяет людей по партийному, национальному, государственному признаку; наука же должна объединять их. По словам декабриста М. С. Лунина, «истины не изобретаются, но передаются от одного народа к другому как величественное свидетельство их общего происхождения и общей судьбы». Так и история, возникнув однажды в Греции, затем распространилась по всей планете. Историки разных стран при всех различиях – национальных, идеологических, политических – привыкли чувствовать себя членами одной семьи, мастеровыми одного цеха, с общим для всех представлением о предмете и методе, сознанием необходимости соблюдения норм профессиональной этики, заинтересованными (помимо личного успеха) в обогащении исторического знания в целом. Ввиду того, что наша страна долгое время находилась в изоляции за «железным занавесом», такого рода корпоративный дух лучше сохранился за границей; так что, говоря о «мировом опыте», мы чаще подразумеваем преимущественно опыт «западный».

Сказанное не отменяет присутствия в исторической науке и национального начала: в тематике исследований, историографической традиции, организационных формах. Но принципы, на которых основана историческая наука, едины. Главный из них – метод исследования. «Единственным собственным историческим методом», как давно признано, является критическая работа с документами (4). Тезис Шарля Сеньобоса «историю пишут по письменным источникам» (*l'histoire se fait par les documents*) объединял всех: в дореволюционной России говорили, что ученые «работают одинаковыми методами от Киева до Сан-Франциско» (5). В советский период принцип приоритетности источников был принесен в жертву идеологии (6). Ныне его приходится восстанавливать.

Что для этого следует сделать?

Необходимо осмыслить (если надо – переосмыслить) социальную функцию истории. Она не должна использоваться в политических целях, ради

обоснования территориальных или иных претензий, как это часто происходит. «Судьба Кавказа и Балкан становится предупреждением для всех, кто ссылается на историческое право – будь то обладание территорией [...] или право считать другой народ [...] историческим врагом или оккупантом... Пока история поставляет аргументы для споров, пока она, по выражению Цицерона, остается учителем жизни, вражда и кровь неизбежны», – предостерегает А. И. Иванчик (7). Не политизировать науку – настоятельное требование дня. Место истории в царстве духа. Аланское (как и всякое другое) наследие будет принадлежать тому, кто в нем лучше разбирается.

История как *magistra vitae* бывает и *dura*, суровой, если попадаются нерадивые ученики. История учит, что все проходит. Территории, занятые некогда «нашими аланскими предками», ими же были утрачены. «Возвращать» территорию предкам невозможно – их уже нет, а потомкам бессмысленно – они живут в другом мире. Да и представление о коллективном, объединяющем этнических «предков» и их «потомков» субъекте исторического процесса не соответствует реальной действительности. Этническую историю, в которой фигурируют национальные сообщества, «объединенные ошибочным представлением о прошлом и ненавистью к соседствующим представителям других народов» (Э. Ренан), должна сменить история людей, чьи поступки объясняются не «голосом крови», а конкретными историческими (т. е. проходящими) причинами. Их-то и нужно изучать.

Как ни печально, но приходится добавлять вопрос: «как изучать?» Тревогу вызывает отсутствие (удивительное только для тех, кто не знает, чем была советская гуманитарная наука) у историков согласия относительно главного условия нашего труда – работы с оригинальными историческими источниками. Того, что считалось *conditio sine qua non* в течение всего существования исторической науки, а ныне отрицается «с порога» воспитанниками и наследниками советской исторической школы. Особо пагубную роль в насаждении догматического, враждебного творчеству, игнорирующего факты типа мышления сыграли и играют вузовские преподаватели советских «общественных дисциплин», о чем неоднократно писали видные российские гуманитарии (8). Один из «центров» подготовки алановедов – Северо-Осетинский государственный университет – в настоящее время не имеет ни одного (!) специалиста по «всеобщей истории» периода древности или средневековья, владеющего древними языками и навыками работы с иноязычными источниками. В составе диссертационного совета СОГУ по «отечественной истории» – дисциплины, не предполагающей изучения иностранных источников, в рамках которой и штампуются совершенно неподготовленные к научной работе кадры алановедения – доминируют доктора таких «наук», как история КПСС, марксизм-ленинизм, научный коммунизм, которые были

лишены статуса научной специальности в начале 1990-х гг. за их полной ненаучностью. Это генерация взращенных на абстракциях с переменной вектора от коммунизма к национализму людей, которые находятся не *вне* (как математик А. Т. Фоменко), а *внутри* цеха историков; среди нынешних алановедов их абсолютное большинство, и искать там союзников – очевидно бесперспективное занятие. Возникающее порой желание рывком избавиться от пут советского прошлого, осваивая новые, пришедшие с Запада идеи, не приблизит к решению проблемы в случае своей реализации: крыше и стенам нужен фундамент. «Чтобы разрушить чары, нужно вернуться к началу» (9).

Начало – это источники. *Ex fonte bibere* – старый, как сама наука история, лозунг. Аланы были бесписьменным народом (единичные тексты можно не принимать в расчет), об их истории мы узнаем по сохранившимся сведениям из иноземных источников: китайских, армянских, сирийских, арабских, персидских, грузинских, древнерусских. Но основой наших знаний об истории аланов была и остается греко-византийская и латино-западноевропейская письменные традиции как наиболее продолжительные и связные, обладающие высокой степенью достоверности, базирующиеся на достижениях античной и средневековой историографии. Неудивительно, что подлинно научное изучение источников, свидетельствующих об аланах, связано именно с европейской исторической наукой.

Рубежным в этом отношении был XIX век, подлинный «век истории». Конечно, сбором данных о прошлом разных народов европейского континента занимались и раньше. С эпохи раннего Возрождения многие гуманисты вели целенаправленную работу по восстановлению и печатной публикации текстов античности и, с несколько меньшим усердием, текстов средневековья. «Дипломатические битвы» эпохи Реформации и Контрреформации, связанные с борьбой протестантов и католической церкви, вызвали интерес к позднеантичным и средневековым текстам, преимущественно религиозного содержания. В XVII–XVIII вв. появились целые многотомные серии «житий святых», «отцов церкви» и другие, наиболее известными из которых стали издания отцов мавристов (членов монашеской бенедиктинской конгрегации св. Мавра) и болландистов (из бельгийских иезуитов). Многие из них были перепечатаны в XIX веке аббатом Минем в его «Патрологии»: *Patrologiae cursus completus. Series latina* в 221 т., вышедшая в 1844–1864 гг., и *Series graeca* в 162 т., 1857–1866 гг. Но узость организации, специальная (клерикальная) направленность изданий, чисто филологический подход к проблеме источников не позволяли ставить собственно исторические вопросы, к которым относилась и проблема аланов. В XIX в. возник ряд факторов, позволяющих говорить о коренном его отличии от предыдущих с точки зрения развития исторической науки. Во-первых, распространение европейской цивилизации способствова-

ло значительному расширению области, доступной исследованиям: в их поле зрения попали такие страны как Египет, Индия, Америка, русская Азия. Накопление опыта привело к выработке общих научных приемов исследования в Старом и Новом Свете. Интерес к истории самых разных народов был перенесен и на те, чей уровень развития считался уступающим «классическим» народам древности и средневековья, в том числе на кочевников, к которым относились аланы. Во-вторых, на порядок вырос уровень организации исторической работы, получившей поддержку государства или влиятельных общественных организаций. В разных странах были созданы многочисленные научные предприятия по изданию исторических памятников уже светского характера: *Monumenta Germaniae Historica* в Германии, *Corpus Fontium Historiae Byzantinae* в Австрии и другие. В-третьих, заметно усовершенствовались приемы издательской работы и методы критики источников – критики не только филологической, ставшей поистине виртуозной, но и исторической, связанной с изучением содержательной стороны текстов. Георг Бартольд Нибур (1776–1831) стал родоначальником этого направления в исторической науке.

В России, как и за рубежом, переломным в изучении аланов стал XIX век. Век восемнадцатый был отмечен довольно фантастическими теориями аланской истории как части истории русского (славянского) этноса (М. В. Ломоносов) и слабостью в критическом толковании источников. В XIX в. произошло два важных события в разных областях жизни, давших толчок к развитию алановедческих исследований. Первым было завоевание Северного Кавказа, той области, которую некогда занимали аланы. Другим – научное открытие, сделанное лингвистами Ю. Клапротом, А. Шегреном, В. Миллером о преемственности языка аланов и осетин. С тех пор тема аланов сделалась составной частью двух научных дисциплин: древней и средневековой истории Южной России (Кавказа и Северного Причерноморья) и лингвистического осетиноведения. Свой вклад в собирание письменных источников сделали представители обоих главных направлений аланистики. Можно отметить «Материалы для истории осетин» В. Б. Пфафа (1870), третью часть «Осетинских этюдов» Вс. Миллера (1887), дающие изложение истории аланов по разнородным источникам; переводы фрагментов античных авторов К. Гана «Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе» (1884; 1890). Но проверку временем выдержали, пожалуй, только две работы: объемный сборник В. В. Латышева «*Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе», вышедший несколькими выпусками в Санкт-Петербурге с 1893 по 1906 гг. (том I – греческие, том II – латинские писатели), и небольшая книжка Ю. А. Кулаковского «Аланы по сведениям

классических и византийских писателей», изданная в Киеве в 1899 г. Обе переиздавались: первая – в приложениях к журналу «Вестник древней истории» за 1947–1949 гг. и, частично, в петербургском издательстве «Фарн» (1992–1993); вторая – в издательстве «Алетейя» (СПб., 2000) (10).

Выходившие в СССР и в России многочисленные хрестоматии по истории древних народов Кавказа в основном воспроизводили старые переводы без подлинников. Определенный прогресс был достигнут в изучении закавказских источников по аланам: изданы, хотя без текста оригинала, и прокомментированы некоторые грузинские и армянские документы, содержащие сведения по рассматриваемой проблематике (11). Из строго научных изданий, дающих оригинальные тексты с переводом и подробным комментарием, следует назвать серию «Древнейшие источники по истории народов СССР (сейчас – Восточной Европы)» (М., 1982–), в которой опубликованы тексты некоторых важных для изучения аланской тематики авторов, таких как Феофан Исповедник и Константин Багрянородный. Через столетие после выхода труда Ю. А. Кулаковского появился наиболее полный свод источников по аланам каталонского исследователя А. Алеманя, содержащий около 600 фрагментов примерно 200 авторов на 12 языках, причем половину книги занимают греческие (античные и византийские) и латинские (античные и средневековые) источники (12). Свод А. Алеманя был оперативно переведен и теперь доступен русскоязычной аудитории (13). Но, как это ни парадоксально, именно наличие богатой подборки источников, снабженных русским переводом, может сослужить дурную службу созданием иллюзии легкости работы с доступными текстами.

Дело в том, что большинство представителей корпуса отечественного алановедения не готовы к самостоятельной «встрече» с источниками. Метод их работы заключается в простой подгонке «готовых» фактов – заимствованных из чужих трудов – к собственным априорным конструкциям. Между тем, исторические факты становятся таковыми лишь вследствие интерпретации первоисточников исследователями. Так что простого вовлечения источников в научный оборот недостаточно: нужно их профессиональное освоение. Еще в 1918 г., комментируя важнейший свод В. В. Латышева «*Scythica et Caucasica*», М. И. Ростовцев отмечал: «Нет до сих пор и попытки критического анализа с точки зрения т. н. *Quellenkunde*» (14). Применительно к отечественной историографии аланов отсутствие *Quellenkunde* характерно для всего периода «от Ростовцева до наших дней» (15). Хуже того, при дефиците настоящих исследований мы имеем громадное количество низкопробных и прямо ненаучных работ, вышедших из-под пера людей, не владеющих профессиональными приемами исследования. Статьи, монографии, диссер-

тации, состоящие из некритичного и недобросовестного пересказа старого материала «из вторых рук» буквально захлестнули аланистику, которой грозит окончательная потеря научных ориентиров.

Поскольку источники по аланам созданы на чужих языках, профессионально работать с ними могут специалисты по всеобщей истории или зарубежной филологии: антиковеды, медиевисты, востоковеды и т. д. Ввиду резкого сокращения их числа – результат «чистки кадров» в среде интеллигенции в 1920-е и последующие годы – аланская тематика перешла в ведение археологов, осетиноведов, специалистов по «отечественной истории», не знающих специфики источников и самих языков, на которых они составлены. Но что это за историк, не умеющий прочесть текст, определить характер документа, выявить надежность рукописной традиции, объективно оценить сообщение? Никакой он не историк, а «только начетчик исторических книг» (16). В лучшем случае он повторяет сказанное предшественниками; обычно же, стремясь к «оригинальности исследования», искажает информацию, подчас – до полной ее неузнаваемости.

Самый очевидный случай – игнорирование данных из-за неумения читать тексты, будь то древние или современные. Возьмем проблему аланского языка. В нашем распоряжении лишь четыре памятника, которые признаются собственно аланскими: Зеленчукская средневековая надпись, две фразы византийского автора XII в. Иоанна Цеца, яский глоссарий XV в. и недавно обнаруженные датской исследовательницей В. Энгберг аланские глоссы на полях литургической рукописи XIII в. из Санкт-Петербурга. Скучность источников резко повышает ценность каждого свидетельства. Особое значение имеют фразы Иоанна Цеца в эпилоге «Теогонии», являющиеся «единственным языковым памятником, аланский характер которого был бы засвидетельствован самим записавшим его лицом» (17). Текст Цеца по Ватиканской рукописи был опубликован Д. Моравчиком в 1930 г., проанализирован В. И. Абаевым в статье 1935 г. «Аланские фразы у византийского писателя Цеца (XII век)» (18). Только текст Д. Моравчика до самого недавнего времени и был известен нашим исследователям. А ведь наука не стоит на месте и делает новые открытия. Еще в 1953 г. Г. Хунгер издал те же «варварские» фразы Цеца по более ранней и лучшей сохранности Венской рукописи, в которой читаются некоторые стерты в рукописи Моравчика слова и имеется другая дополнительная информация. Однако за 45 (!) лет в отечественной литературе не появилось ни одного отклика на это открытие (19); даже в новейшей академической энциклопедии «Иранские языки» воспроизведен старый текст Д. Моравчика по статье В. И. Абаева без какого-либо упоминания о рукописи Г. Хунгера (20).

Другой случай – когда используется некачественный или просто неверный перевод. Например, в «Тактике» Арриана есть место, которое П. И. Прозоров перевел так: «У римлян одни из всадников носят дротики и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же носят копья» (21). Естественно, для тех, кто пользуется этим переводом, алано-сарматские всадники оказываются дротикометателями. Но в оригинале стоит «контосы» (пики), что радикально меняет трактовку алано-сарматской тактики. Не дротикометатели, а пикейщики! Если учесть, что тот же «контос» у Страбона Г. А. Стратановский переводит как «древко копья» (22), а А. И. Малеин у Стация – как «шест» (23), то станет ясно, что даже сбор сведений о контосах по русским переводам представляет для безъязыких историков неразрешимую задачу.

Бывает и так, что берется правильный перевод, но при этом не учитывается характер издания и рукописная традиция. Скажем, Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» рассказывает о войне кавказских иберов (грузин) с парфянами в 35 г. н. э. В переводе этого места столетней давности (24) союзниками иберов названы «скифы» (устаревший к I в. н. э. термин). Поскольку в «Анналах» Тацита те же племена выступают под именем сарматов, историки сделали вывод, что союзниками иберов в 35 г. были какие-то сарматские («скифские») племена, но не аланы. Между тем проверка показывает, что в греческом тексте Иосифа стоят как раз «аланы». Ошибки переводчика здесь нет: в использованном им издании С. Набера (Naber) действительно стоит «скифы». Текст Набера, однако, лишен критического аппарата и не отражает состояния рукописной традиции. Критическим является издание Б. Низе (Niese), а в нем принято чтение «аланы», как практически во всех греческих рукописях; «скифы» же, встречающиеся лишь в средневековом латинском переводе, логично помещены издателем в справочные материалы (25). Ларчик открывается сравнительно просто, только ключ от него доступен лишь тем, кто знаком с приемами источниковедческой работы.

Фрагмент из Иосифа Флавия может быть и примером того, как непонимание источника ведет к непониманию историографии. Алановедам приходится считаться с тем, что ряд историков – Ю. А. Кулаковский, М. И. Ростовцев – писали об аланах, а не «скифах», именно со ссылкой на Иосифа Флавия. И как же это объясняется ими? По мнению Т. А. Габуева, здесь имел место перенос информации из «Иудейской войны» того же Иосифа Флавия, где говорилось, что «племя аланов есть часть скифов» (26). Т. А. Габуев тем самым приписывает маститым ученым логику, им вовсе не свойственную. Ни Ю. А. Кулаковскому, ни М. И. Ростовцеву не было нужды прибегать к такого рода доказательству: они просто прочли оригинальный текст Иосифа по изданию Б. Низе, отметив это, как и полагается, в примечании, которое современный

алановед элементарно не смог понять ввиду языковой и источниковедческой безграмотности.

К ошибке может привести и использование верного перевода вне контекста. В Латышевском сборнике (27) приводится фрагмент из «Тактики» Арриана с упоминанием клинообразного построения конницы, который «больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие от скифов». Перевод верен, но чтобы его правильно интерпретировать, необходимо знать, какие скифы имеются в виду. Но вместо того, чтобы уточнить контекст по оригиналу, наши историки принялись гадать. Поскольку Арриан воевал с аланами (136 г. н. э.) и называл их в «Диспозиции против аланов» «скифами», В. Д. Блаватский, А. М. Хазанов, Ю. С. Гаглойти, В. И. Абаев, В. А. Горончаровский, В. Н. Каминский и другие решили, что кавалерийский клин изобрели аланы-«скифы», современники Арриана. Между тем буквально следующая, не переведенная П. И. Прозоровым, фраза, ставит все на свои места: «А Филипп Македонский (359–336 гг. до н. э. – **С. П.**) и македонян обучил этому построению». То есть Арриан, безусловно, имеет в виду классических скифов IV в. до н. э., и аланы тут ни при чем (28). Очередное массовое заблуждение имеет причиной не только незнание конкретного источника, но и недостаток общей эрудиции. Ведь принять скифов за аланов мешает тот простой факт, что подвластные Риму фракийцы времени Арриана (III в. н. э.) уже более века не существовали как самостоятельное политическое образование, не имели своей армии, а потому и не могли проводить какие бы то ни было военные реформы.

В заключение отметим, что рассуждения о правильном понимании аланской проблематики не замкнуты на себе, а выводят нас к фундаментальным вопросам исторического знания. В качестве связующих звеньев можно предложить два следующих тезиса *pro doma nostra (sc. historia)*. Первый – прикладной: знание древних языков при занятиях древней историей является не «роскошью» (мнение Л. Н. Гумилева), а настоящей необходимостью. Второй – общенаучный: в эпоху, когда под влиянием постмодернизма истории грозит перспектива «игнорирования источника вообще» (29), шаги, направленные на восстановление обязательных процедур критического анализа источников, являются важным козырем в отстаивании историографией своего места среди других отраслей гуманитарного знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проблемы и перспективы республиканской науки: материалы «круглого стола», посвященного Дню науки (8 февраля 2002 г.) // Вестн. Владикавказского науч. центра (ВНЦ). – 2002. – № 1. – С. 28.

2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Менеджер, 2003. – С. 23.
3. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – 2-е изд. – Владикавказ, 2000. – С. 88–11.
4. Про А. Двенадцать уроков по истории. – М.: Российс. гос. гуманит. ун-т, 2000. – С. 69.
5. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. – М.: Наука, 1987. – С. 66.
6. Перевалов С. М. Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестн. ВНИЦ. – 2002. – № 3. – С. 6.
7. Цит по: Гагагова Л. С. Чему мы учим? // Родина. – 2000. – № 1–2. – С. 203.
8. Семенов Е. В. Явь и грезы российской науки. – М.: Наука, 1996. – С. 6, 11, 12, 36, 43, 96.
9. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. – М.: Наука, 1978. – С. 8.
10. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / сост., вступ. ст., коммент. С. М. Перевалова. – Спб., 2000. – С. 43–164, 43–164.
11. Мровели Л. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. Г. В. Цулая. – М., 1979; Габриелян Р. А. Армянские источники об аланах. – Ереван, 1985 и др.
12. Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation. – Leiden; Boston; Keln: Brill, 2000.
13. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках...
14. Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // *СКУДИКА*. Петербургский археологич. вестн. – № 5. – Спб., 1993. – С. 30.
15. Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Истор.-археологич. альманах. – Вып. 4. – Армавир; Москва, 1998. – С. 6–8, 15, 16, 96–101, 207–215.
16. Мажуга В. И. Е. Ч. Скржинская – исследователь и публикатор исторических источников // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». – Спб.: Алетейя, 1997. – С. 503.
17. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 255.
18. Там же. – С. 254–259.
19. Перевалов С. М. Еще раз о варварских фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 5. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 116–122.
20. Исаев М. И. Аланский язык // Иранские языки. Т. III. Восточноиранские языки. – М.: Индрик, 2000. – С. 107.
21. Латышев В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: в 2 т. – Спб., 1893–1906. – Т. I. – С. 521; Вестник древней истории (ВДИ). – 1948. – № 1. – С. 281.
22. Страбон. География. – М., 1994. – С. 425.
23. ВДИ. – 1949. – № 2. – С. 338.
24. Латышев В. В. Scythica et Caucasica... – Т. I. – С. 482; ВДИ. – 1947. – № 4. – С. 275.

25. Перевалов С. М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г.: три довода в пользу аланов // ВДИ. – 2000. – № 1. – С. 205.
26. Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ: Иростон, 1999. – С. 29.
27. Латышев В. В. Scythica et Caucasica... – Т. I. – С. 521.
28. Перевалов С. М. Как создаются мифы... – С. 98.
29. Юрганов А. Л. Вступительное слово [Русская культура в сравнительно-историческом освещении: материалы «круглого стола»] // Одиссей. Человек в истории. 2001. – М.: Наука, 2001. – С. 7.